

К 270-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО УНИВЕРСИТЕТА

КАФЕДРА ЛИТЕРАТУРНОЙ ИСТОРИИ XX И XXI ВЕКОВ: СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ

М.М. Голубков

*Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва,
Россия; m.golubkov@list.ru*

Аннотация: В статье анализируются вопросы, связанные с научной и педагогической работой кафедры истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса, которая существует в рамках филологического факультета с момента его основания. Среди них — соотношение литературы метрополии и диаспоры, которые предстают в противоречивом единстве. Анализируются проблемы, даже не поставленные современным литературоведением, например, созданная на постсоветском пространстве за последние три десятилетия литература на русском языке, которая предстает как *terra incognita* для современного филолога, так же, как и литературы народов России, создающиеся на русском и национальных языках. Роль русского языка оказывается значимой постольку, поскольку с его помощью произведения, принадлежащие национальной литературе, становятся не просто известны значительно более широкому слою читателей, но выходят на мировой уровень. В статье показывается, как переход от специалитета к двухступенчатой системе образования (бакалавриат и магистратура) привел к сокращению историко-литературных курсов, посвященных литературе XX века, и как кафедра смогла преодолеть эти потери при составлении своей магистерской программы. На кафедре развиваются разные формы научной и студенческой жизни: раз в два года проходят большие конференции, собирающие более ста исследователей русской литературы как из России, так и из зарубежных стран, а также разные формы своеобразных круглых столов-чаепитий, которые организует молодежь кафедры: магистранты, аспиранты, молодые преподаватели. Среди них — кафе «Бродячая собака», воспроизводящее атмосферу салона Серебряного века, Артель вольных критиков, устраивающая регулярно собрания в клубе «В артель на чайшко», круглый стол «Литературное событие», действующий на постоянной основе.

Ключевые слова: кафедра истории литературы XX века; современная литература; метрополия; диаспора; литературное событие; Артель вольных критиков

doi: 10.55959/MSU0130-0075-9-2024-47-06-1

Для цитирования: Голубков М.М. Кафедра литературной истории XX и XXI веков: современные вызовы // Вестн. Моск. ун-та. Серия 9. Филология. 2024. № 6. С. 9–27.

**DEPARTMENT OF LITERARY HISTORY
OF THE 20th AND 21st CENTURIES:
MODERN CHALLENGES
Mikhail Golubkov**

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; m.golubkov@list.ru

Abstract: The article analyzes issues related to the academic and pedagogical work of the Department of History of Modern Russian Literature and Contemporary Literary Process, which has existed within the Faculty of Philology since its foundation. Among them is the ratio of metropolis and diaspora literature, which appear in contradictory unity. Russian literature created over the past three decades in the post-Soviet space, which is terra incognita for a modern philologist, as well as the literature of the populaces of Russia, created in Russian and national languages, is analyzed. The role of the Russian language turns out to be significant insofar as with its help, works belonging to national literature become not only known to a much wider audience, but reach the world level. The article shows how the conversion from a specialty to a two-stage education system (bachelor course and master's degrees) led to a reduction in historical and literary courses devoted to the literature of the twentieth century, and how the department was able to overcome these losses when compiling its master's program. The department develops various forms of academic and student life: every two years large conferences are held, bringing together more than a hundred researchers of Russian literature from both Russia and foreign countries, as well as various forms of peculiar round-table-tea-parties organized by the youth of the department: undergraduates, graduate students, young teachers. Among them are the Stray Dog Cafe, which reproduces the atmosphere of the Silver Age salon, the Artel of Free Critics, which regularly organizes meetings in the Artel Tea club, the round table "Literary Event", which operates on a permanent basis.

Keywords: Department of Literary History of the 20th Century; modern literature; metropolis; diaspora; literary event; Artel of Free Critics

For citation: Golubkov M. (2024) Department of Literary History of the 20th and 21st Centuries: Modern Challenges. *Lomonosov Philology Journal. Series 9. Philology*, no. 6, pp. 9–27.

Юбилейная дата, в том числе и нынешняя, когда мы отмечаем 270-летие нашего университета, заставляет оглянуться назад, оценивая пройденный путь, и заглянуть в будущее, размышляя об открывающихся перспективах. Юбилей не только настраивает на праздничный лад, но и провоцирует подумать о нерешенных проблемах, чтобы с их грузом не прийти к следующему юбилею.

Разумеется, актуальных проблем современного литературоведения или текущей литературы (и то, и другое оказывается в сфере научной компетенции кафедры) множество: это и дискурсивный арсенал современного языка науки о литературе; проблема методологий, когда их немало, но не работает по-настоящему ни одна; проблема категориального аппарата, когда, скажем, говоря о реализме и модернизме, исследователи часто вкладывают в эти понятия совершенно разные смыслы. Помимо проблем общих есть и более частные, те, что характеризуют литературоведение, обращенное к художественному опыту ушедшего столетия. Среди них — вопрос о новом художественном языке литературы XX века, его «грамматике» и «лексике», как они формировались у Б. Пильняка или А. Платонова, или же о языке современной литературы, пережившей три десятилетия назад крушение прежних художественных парадигм и экспансию постмодернизма и ныне обретающей новые художественные перспективы, также нуждающиеся в осмыслении и описании.

Однако для тех, чья научная работа не существует без связи с преподаванием, со студенческой аудиторией, с лекциями и семинарами, проблемы «чистой» науки если не отступают на второй план, то переплетаются с административными или методическими проблемами — притом так тесно, что отделить одно от другого бывает невозможно. Иначе говоря, самые актуальные проблемы современного литературоведения неизбежно осмысляются в масштабе кафедры в составе факультета, который призван воспитывать в нынешних условиях филологов-исследователей. А условия эти еще совсем недавно определялись насильственным внедрением того, что называют «Болонским процессом», который оборачивается тотальным разрушением сложившейся в течение без малого трех столетий системы национального гуманитарного образования. Почти повсеместно произошел отказ от специалитета и внедрена трехступенчатая система высшего образования: бакалавриат, магистратура, аспирантура, понятая не как форма научной деятельности молодого исследователя, результатом которой является защита диссертации, а как всего лишь третья ступень высшего образования. Образовательная реформа (а на деле деконструкция национального образования) подкреплялась административным восторгом чиновников, увлеченных всевозможными слияниями и объединениями кафедр, ученых советов, целых гуманитарных факультетов, что трактовалось как «оптимизация». В этих условиях и приходилось заниматься «высокой» наукой.

МГУ имени М.В. Ломоносова смог отстоять некоторые из базовых принципов отечественного высшего образования. Так, например,

принятая Ученым советом МГУ концепция аспирантуры предполагает научную деятельность аспиранта и как итог — защиту кандидатской диссертации. Не знаем мы и насильственных слияний кафедр и факультетов, хотя переход диссертационных советов от ВАК к МГУ привел к сокращению числа советов и слиянию многих из них. Отказ от пятилетнего курса подготовки специалиста и переход к бакалавриату и магистратуре настиг и наш филологический факультет МГУ.

Поэтому наиболее актуальными проблемами, с точки зрения университетского преподавателя, в том числе и научными, являются проблемы сохранения в новых условиях тех достижений русской высшей школы, которые накоплены поколениями ученых–гуманитариев и нашими непосредственными учителями. Так уж распорядилась история, что именно на плечи нынешнего поколения университетской профессуры ложится ответственность за сохранение национальной научной гуманитарной традиции. И ответственность за ее развитие мы несем в тех условиях, которые нам предложены.

Кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ существует уже более восьмидесяти лет. Долгие годы она называлась кафедрой истории советской литературы, а в 1993 году обрела новое имя — истории русской литературы XX века. Но это название уже тогда ощущалось как временное, ибо не отражало специфику предмета кафедры: календарное обозначение входило в противоречие с более широким в хронологическом отношении литературным материалом, который охватывается нашими лекционными курсами и семинарами: от 1890-х годов до первых десятилетий XXI века. Иными словами, в компетенции кафедры оказался литературный материал между двумя рубежами веков: XIX–XX и XX–XXI, история непростого пути от Серебряного века к эпохе постмодернизма и его кризиса, свидетелями которого мы сейчас являемся. Поэтому одной из задач стал поиск названия кафедры. Ведь номинация коллектива есть проблема его научной самоидентификации.

Специфика предмета кафедры состоит в том, что он включает в себя как историю литературы, так и текущий литературный процесс; предполагает как синхронный, так и диахронный подходы к литературному материалу. Эти два аспекта, определяющие специфику научного предмета кафедры, необходимо было отразить в названии. В 2014 году это название было найдено: «Кафедра истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса».

Однако новое название кафедры, пусть и более точно отражающее ее предмет, не могло решить других, значительно более важных

проблем, которые были поставлены переходом на двухступенчатую систему образования.

Программа бакалавриата составлялась под хорошо известным, но ныне подзабытым лозунгом: «Пятилетку в четыре года!». В результате получилось примерно то же, что и в советское время: быстрее, но с катастрофической потерей качества. Бакалавры остались без тех новаторских историко-литературных курсов, которые удавалось вводить в учебный план в последние годы: читавшийся с 1994 года курс истории литературы русского зарубежья, курс современной литературы, который студенты впервые услышали в 2001 году. Курс введения в литературу XX века, который знакомил студентов на первом году обучения с новым художественным языком, сократился наполовину — а читался он с 1954 года! Нет, пятилетка в четыре года явно не «влезла»...

Каковы же, так сказать, прикладные задачи литературоведения, обращенного к литературной истории ушедшего столетия, в этих условиях?

Одна из важнейших — это поиски и осознание единства разных подсистем (метрополии, диаспоры, потаенной — или «катакомбной», по словам М.О. Чудаковой), в русле которых развивалась литература XX века. Так исторически сложилось, что потаенная («катакомбная») литература, став достоянием читателей и исследователей, сразу вошла в общий историко-литературный курс, потеснив в нем мнимые величины и отразив резкую смену литературных репутаций, пришедшуюся на 1990-е годы. Вместо М. Горького, А. Толстого, А. Серафимовича, А. Фадеева, К. Федина, Л. Леонова в научных исследованиях, учебниках, лекционных курсах в качестве ключевых фигур предстали М. Булгаков, А. Платонов, В. Набоков, Б. Пастернак, А. Ахматова, Е. Замятин, А. Солженицын, имея на это безусловное право, данное самой литературой. Однако парадоксальность ситуации состоит в том, что часто пересмотр писательских репутаций, обронзовевших в советскую эпоху, казалось бы, незыблемых, вел к исключению целого ряда крупных художников из литературного процесса и из литературной истории. Порой подобные деформации были просто несправедливы и вновь искажали наши представления о литературе, но уже на новый лад. Особенно это касается М. Горького, объемное творческое наследие которого было закрыто от современников, да и от потомков, странным амплуа «буревестника революции» и ближайшего друга Сталина, а то и певца ГУЛАГа. И в поздние советские времена Горький предстал в школе и часто в вузе автором дореволюционным — романтических рассказов 1890-х годов и пьесы «На дне», которые никак не раскрывали подлинный масштаб этой фигуры. Мало кто из нынешних читателей, даже про-

фессиональных, знает цикл рассказов М. Горького 1922–1924 годов, в которых писатель, возможно, неосознанно, оттачивал технику модернизма, столь блестяще реализованную в «Жизни Клима Самгина». Четырехтомная «повесть», как определил жанр «Самгина» М. Горький, произведение, без которого история мировой литературы XX века просто непредставима, отодвинута на задворки, не читается и не изучается — ни в современном литературоведении, ни в практике лекционных курсов. Несправедливо забыт сейчас Л. Леонов, прижизненные юбилеи которого в 1980-е годы собирали огромные конференции, организовавшиеся, в том числе, и нашей кафедрой, кафедрой истории советской литературы МГУ. Притом забыт полностью: его имя ушло из учебников, из списков литературы, из экзаменационных вопросов! Жаль, что Алексей Толстой потеснен. Прямая противоположность философу Л. Леонову, Толстой показал новое качество реализма, характерное для XX столетия, по сути дела реабилитировав реализм и обнаружив его универсальность и для литературы XX века.

Иными словами, созданся определенный перекосяк, да и не в первый раз в литературной истории XX века: восстанавливая в правах забытых авторов, репрессированных, эмигрировавших, депортированных, запуская процесс реактуализации их произведений, мы забывали о других, чья личная судьба сложилась не столь трагично, а вклад в литературу был не меньшим. Не следует ли из подобной ситуации, что одна из актуальных проблем современного литературоведения состоит в пересмотре литературной иерархии и сложившихся не так давно писательских репутаций с тем, чтобы выстроить более или менее адекватную картину литературной истории — в той степени, в которой это хоть как-то возможно? И вовсе не рассчитывая, что выстраиваем навсегда.

Впрочем, этот благородный порыв восстановления писательских репутаций с неизбежностью натолкнется на нехватку часов в бакалавриате, и лишь на магистратуру остается хоть какая-то надежда.

Но и этого мало! Ведь если теперь мы лишены возможности рассказать в отдельном курсе о литературе русского рассеяния, о всех трех его волнах, как это было при пятилетней системе образования, то необходимо каким-то образом еще более «уплотнить» общий историко-литературный курс и ввести туда, кроме потаенной литературы, и диаспору.

С точки зрения историко-литературной в этом есть своя безусловная логика. В сущности, русская литература XX века представляет собой единое, пусть и противоречивое, целое, несмотря на развитие ее в русле трех подсистем. Вероятно, в свое время было очень актуально чтение отдельного курса по истории диаспоры, но

теперь его необходимость не столь очевидна: на первый план выходит не столько место создания произведения и политические обстоятельства, заставившие автора эмигрировать, сколько художественная значимость самого текста, и не так важно, где и в каких обстоятельствах писал О. Мандельштам «Мы живем, под собою не чуя страны...» или же М. Цветаева — «Тоска по родине...». Иначе говоря, одной из научных задач сегодняшнего дня становится не столько поиск различия литератур метрополии и диаспоры, подцензурной и неподцензурной, сколько поиск тех начал, которые заставляют видеть в русской литературе XX века единое художественное явление.

Что может быть основой этого единства?

Во-первых, понимание общей тематики и проблематики литературы этого периода, которое становится вполне очевидным при сопоставлении произведений, созданных на разных берегах исторического потока, разделившего русскую литературу. С очевидностью подобная проблемно-тематическая общность может обнаруживаться, например, при сопоставлении двух повестей, посвященных судьбе Крыма в Гражданскую войну, созданных, однако, в противоположных станах: «Падение Даира» А. Малышкина и «Солнце мертвых» И. Шмелева.

Во-вторых, это осознание идейно-эстетических связей двух подсистем русской литературы: повесть «Бронепоезд 14-69» и одноименная пьеса Вс. Иванова вполне соотносятся с рассказами и повестями Гайто Газданова, служившего на белом бронепоезде «Волк» и посвятившего многие страницы Гражданской войне. Его рассказ «Товарищ Брак» находится в прямой идейно-эстетической связи с рассказом А. Толстого «Гадюка». Эти бегло приведенные примеры показывают, что у русской литературы была одна проблематика, общие центры в идеологическом кругозоре эпохи, как сказал бы М. Бахтин.

Мало того, две подсистемы русской литературы, диаспора и метрополия, при всей противоестественности подобного разделения и при отсутствии, казалось бы, самой возможности диалогических отношений, находились в диалоге. Этот диалог затрагивал центральные аспекты общей для литературы первой половины XX века проблематики: человек и история; возможность или невозможность эмансипации личности от свирепого насилия истории, ставшего в XX столетии столь очевидным.

Империалистическая война, две русские революции, Гражданская война, последовавшие за победой большевиков репрессии, длившиеся, не прекращаясь, до середины столетия и создавшие «архипелаг ГУЛАГ», практически лишили человека права частного

бытия, поставили его в прямые, личные отношения с историческим процессом, хотел он того или не хотел. Жизнь человека (и литературного героя) оказалась в прямой зависимости от тех исторических катаклизмов, которые потрясли русскую жизнь целых полвека. Такого тотального воздействия истории на человека не знала литература XIX столетия. Новые взаимоотношения между человеком и историей заявили о себе, в первую очередь, в творчестве М. Горького. Герой горьковского эпоса, по словам С. Бочарова, «подвергается воздействию исторического процесса в целом, несравненно более широкому, чем воздействия среды. В этом “рандеву” с историей человек выступает прежде всего не как составная часть класса, а как личность, имеющая непосредственный контакт с ведущей исторической закономерностью. История больше не позволяет замкнуться в рамках среды, что ослабляло бы субъективную ответственность человека, властно выволакивает человека из этих рамок, заставляет встать к себе, так сказать, в личное отношение»¹.

М. Горький утверждал связь личности и исторического времени как непреложную, полагая, что истоки роста человека — в этой связи: чем шире связи с историческим временем, чем в большей степени способен герой осмыслить и освоить свое место в историческом процессе, тем богаче и пластичнее характер. Подобные воззрения привели Горького к новому пониманию реализма: в качестве среды утверждается уже не ближайший социально-бытовой ряд, в который погружен герой, но само историческое время, влияние которого в XX веке проявляется прямо и требует от личности самоопределения в отношении к себе.

Оппонентами Горького выступили многие писатели, как в метрополии, так и в диаспоре, которые увидели в новых отношениях истории и человека опасность потери индивидуальности, в требовании индивидуального контакта с историей — ее свирепый натиск и покушение на суверенитет личности, в конечном итоге, — насилие над ней. Но самое интересное в том, что этот центральный для литературы XX века аспект проблематики обернулся эстетической своей стороной. Если Горький утверждал связь героя с историческим временем как центральную для реалистической эстетики нового века, то В. Набоков, один из главных оппонентов Горького, тщательно искал пути, чтобы ее избежать.

Вопросы романной формы, которая дала бы автору возможность избавить героя от свирепого натиска истории, обдумывает отец Лужина, «писатель очень второго сорта», как характеризуют его

¹ Бочаров С.Г. Психологическое раскрытие характера в русской классической литературе и творчество Горького // Социалистический реализм и классическое наследие (проблема характера). М., 1960. С. 156.

одноклассники будущего гроссмейстера. Размышляя о композиции романа о сыне, отец Лужина формулирует эту эстетическую проблему. «Теперь, почти через пятнадцать лет, — размышляет он в эмиграции, — эти годы войны оказались раздражительной помехой, это было какое-то посягательство на свободу творчества, ибо во всякой книге, где описывалось постепенное развитие определенной человеческой личности, следовало как-нибудь упомянуть о войне, и даже смерть героя в юных годах не могла быть выходом из положения... С революцией было и того хуже. По общему мнению, она повлияла на ход жизни всякого русского; через нее нельзя было пропустить героя, не обжигая его, избежать ее было невозможно. Это уже было подлинное насилие над волей писателя».

Но сам Набоков находит пути преодоления этого «подлинного насилия над волей писателя». Он делает своего героя аутистом, погружая его в мир шахматной игры и давая возможность не заметить «войны и революции», которые, по убеждению его отца, как и Горького, и целого ряда писателей-реалистов, повлияли на жизнь всякого русского. Почти с медицинской точностью описывая аутиста, перепутавшего шахматы и реальность, живущего в мире шестидесяти четырех клеток, Набоков дает герою возможность переезжать из шахматного кафе в Риме в такое же в Вене, и в Париже, не замечая городов и раздражительных помех истории. Это жертва, окупающая личную независимость от войны и революции, ее не смог принести ни Клим Самгин, ни Юрий Живаго, но герой Набокова — смог. И этот спор — об истории, о среде, о реализме нового типа и степенях свободы человека — тоже сближает два потока единой русской литературы.

В-третьих, сопоставительное изучение двух подсистем обнаруживает и общность нового литературного языка: представители как метрополии, так и диаспоры в равной степени ощущали себя наследниками «художественной революции»² Серебряного века и с гордостью несли это знамя. Очевидно, что язык А. Платонова и Б. Поплавского — это разные языки, но они оказались возможны и понятны читателю потому, что их лексика и синтаксис складывались тогда, когда писался «Петербург» А. Белого. Из той же культурной парадигмы Серебряного века вырастает язык Б. Пильняка и В. Набокова.

Влияние «художественной революции» ощущалось на протяжении всей первой половины XX столетия — до тех пор, пока были живы ее участники или непосредственные наследники, вне зависи-

² Понятие, введенное и обоснованное Е.Б. Скороспеловой. См., например: *Скороспелова Е.Б.* Русская проза XX века: от А. Белого («Петербург») до Б. Пастернака («Доктор Живаго»). М., 2003.

мости от того, каким статусом они обладали в глазах современников. И все же конец этой эпохи связан с уходом из жизни последних свидетелей и творцов Серебряного века: Б. Пастернака (1960) и А. Ахматовой (1966). Наверное, для подавляющего большинства читателей-современников они отнюдь не были фигурами первого значения, но литературная история выстраивает иные перспективы, чем те, что видны современникам.

В сущности, именно художественная революция рубежа веков сформировала новое качество русской литературы XX века, которая дает нам возможность воспринимать ее как художественное целое, а общность проблематики — как огромный метатекст о русской судьбе, как она сложилась в XX столетии. Так, наверное, и нужно преподносить ее студентам, слушателям центрального историко-литературного курса, который в идеале включит в себя литературу диаспоры, метрополии и потаенную литературу.

Все это могло бы показаться заметками мечтателя: да где же взять столько часов, чтобы вместить в один курс и метрополию, и диаспору, и потаенную литературу?! Однако все может сложиться по русской пословице: не было бы счастья, да несчастье помогло. Несчастье — это пятилетка в четыре года и явившийся в результате реализации этого советского лозунга бакалавриат и растерянные бакалавры, не знающие, что им теперь делать со своим, как бы помягче сказать, купированным образованием. Счастье — это перспектива магистратуры, которая не только позволяет заполнить образовательные лакуны, но и открывает принципиально новые возможности преподавания различных аспектов литературы XX столетия.

На филологическом факультете МГУ была принята концепция, предполагающая, что магистратуры создаются на кафедрах. На кафедре истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса работает магистерская программа «Русская литература XX и XXI веков: историческая поэтика и современная творческая практика».

Магистерская программа включает в себя курсы, восстанавливающие утраты бакалавриата. Курс современной литературы читается два семестра, русской диаспоры — три. Но концепция магистратуры намного шире и предполагает рассмотрение принципиальных основ художественного сознания XX столетия. В программе представлены и модернистские тенденции, и новое качество реализма XX столетия, и постмодернизм в его научных интерпретациях и в художественной практике, и жанровая система литературы в разные периоды ее развития, и, конечно же, ее проблематика. Курсы по выбору предполагают углубленное изучение

самых разных творческих индивидуальностей — от А. Белого до В. Пелевина, от М. Горького до Ю. Полякова. Повторяясь, можно сказать, что магистерская программа предполагает изучение нового художественного языка литературы XX века, его грамматики и лексики, а также того литературного языка, который складывается на наших глазах — на рубеже веков и уже в первые десятилетия XXI столетия.

По глубокому убеждению составителей программы, да и кафедры в целом, нельзя замыкать магистранта только лишь в рамках кафедры — даже такой большой, как наша. Поэтому мы приглашаем ученых с других кафедр, что делает концепцию магистратуры еще сложнее — но и интереснее. Так, преподаватели кафедры русского языка предложили курсы по истории русского правописания между двумя рубежами веков и курс современной методики лингвистического анализа художественного текста. Но увы, студенты-русисты, выбравшие другие программы, так и останутся в неведении относительно современной литературы и литературы русского рассеяния, что все же необходимо для полноценного литературоведческого (да и шире — филологического) образования.

Не менее важная научная задача унаследована кафедрой из прошлых времен. В 1964 году существовавшая на филологическом факультете кафедра истории литератур народов СССР была соединена с кафедрой истории советской литературы, которой руководил тогда А.И. Метченко. Думается, что это решение было стратегической ошибкой тогдашнего руководства факультета и университета. Научные судьбы людей, пришедших тогда на кафедру истории советской литературы, сложились вполне счастливо: Алексей Иванович Метченко, будучи настоящим ученым и руководителем, да и просто широким и доброжелательным человеком, создал все условия для успешных защит кандидатских и докторских диссертаций «по народам», как тогда называли эту специальность. Но увы, в рамках кафедры она «заглохла»: за несколько десятилетий так и не удалось вырастить ни одного специалиста по литературам народов СССР. И когда из жизни ушли такие замечательные ученые, как Азиз Алиевич Шариф (1988), Роберт Гатович Бикмухаметов (1995), Халык Гусейнович Кор-Оглы (2001), стало ясно, что курс по истории литературы народов России (а уже не СССР) читать просто некому.

Конечно, курс читался — сначала силами специалистов, для которых литература народов РФ не была первой специальностью, затем ее подхватила доцент И.В. Монисова, которая ведет его и по сей день.

Впрочем, административная сторона дела отходит на второй план, если вдуматься в задачи, которые ставит перед кафедрой этот,

казалось бы, «реликтовый» курс. В современных условиях он влечет за собой постановку серьезнейших научных, литературных, эстетических, этических и политических проблем. В сущности, все они связаны с одной, центральной: это проблема национально-культурной идентификации народов России, которая происходит в литературе и транслируется литературой в российское общекультурное пространство. Из нее вытекают вопросы взаимодействия литератур в поликультурном пространстве, возникает необходимость осмысления культур и литератур коренных и некоренных народов. Иначе говоря, хотим мы этого или не хотим, этот курс ставит вопрос национальных отношений в России XX и XXI веков и обнаруживает своеобразное движение: от «кризиса идентичности» к «кризису диалога».

В известной книге Ю. Слезкина «СССР как коммунальная квартира, или Каким образом социалистическое государство поощряло этническую обособленность» содержится простая идея, глубоко ложная в своей основе, но благодаря времени, когда она появилась сначала на английском (1994), потом на русском (2001) языках, ставшая популярной и даже расхожей. Суть ее достаточно проста: Советский Союз являл собой коммуналку, где подавлялись индивидуальность и национальное своеобразие нерусских литератур.

Так ли это, и можем ли мы согласиться с подобным подходом?

Вспомним 1930-е годы, Первый съезд Союза писателей, открытие Литературного института имени А.М. Горького, первыми студентами которого были и представители национальных республик. Кроме того, трудно переоценить роль русских писательских «бригад», отправлявшихся в республики СССР очеркистов и ученых в открытии и пропаганде новых имен в национальных литературах. В СССР шел невероятно интенсивный процесс познания иноязычных литератур и создавались условия, подчас тепличные, для их развития.

И результаты этого процесса, интенсивно шедшего на протяжении всего советского времени, оказались невероятно важны как для иноязычных литератур, так и для самой русской литературы. Мы легко обнаруживаем «культурные коды» литератур народов СССР в публицистике, поэзии и, конечно же, переводах Б. Пастернака или О. Мандельштама. Нельзя представить себе «Литературные энциклопедии» как 1930-х, так и 1960–1970-х годов без статей о национальных писателях. Именно в 1930-е годы начинается серьезнейшая переводческая работа: на русском языке появляются произведения классиков национальных литератур. Учреждаются альманахи «Дружба народов», проводятся декады национальных культур, во всесоюзном масштабе празднуются писательские юбилеи, издаются ан-

тологии («Антология дагестанской поэзии», «Антология армянской поэзии» и мн. др.).

И это были отнюдь не дежурные мероприятия, проводившиеся «для галочки», а осознанная государственная политика, целью которой стало развитие национальных литератур и выход художников, им принадлежавших, на уровень мировой литературы. Среди них — такие замечательные авторы, как С. Вургун, Р. Гамзатов, Ч. Айтматов, Ю. Рытхэу, О. Чиладзе, Н. Думбадзе...

Стоит задаться вопросом: а могли бы сложиться эти писательские судьбы вне «коммунальной квартиры», какой представляется Слезкину СССР? Иными словами — вне культурной политики СССР, которая проводилась бескорыстно и последовательно? С уверенностью смеем предположить, что нет! Дело в том, что эта политика опиралась на статус русского языка как языка мирового, как одного из пяти языков ООН, который он приобрел после войны. Ведь именно через русский язык, через переводы или авторизированные переводы приходили не только к читателю СССР, но и к мировому читателю Чингиз Айтматов, Олжас Сулейменов, Нодар Думбадзе, множество других авторов, которые благодаря блестящей русской переводческой школе, основателем которой по праву может считаться М.Л. Лозинский, смогли не затеряться в маленькой национальной литературе, как, увы, это часто бывает.

Нет, это была не коммунальная квартира, как она видится нынче из-за океана, а богатейшая культурная среда, дававшая возможность национальным писателям выйти на мировой уровень. Да и русская литература, мгновенно, буквально за одно десятилетие 30-х годов, оказавшись в контексте национальных литератур, ставших благодаря прекрасным переводам на русский доступными, испытывала на себе принципиально новые влияния. Именно об этом в середине века была написана книга К. Зелинского «Что дают русской литературе народы СССР».

Многонациональный характер советской литературы поставил перед литературоведением того времени серьезные научные проблемы, решение которых выглядит как очень актуальное и сегодня. Ведь именно в контексте многонациональной советской литературы могли родиться интереснейшие научные гипотезы, ставшие потом теориями. Среди них — теория ускоренного развития литератур Г. Гачева, его гипотезы о национальных образах мира — от киргизского до американского.

Актуализация на кафедре этой проблематики ставит вопросы, появление которых еще совсем недавно было невозможно, но пытаться ответить на них просто необходимо. Главный из этих вопросов связан с современным статусом русского языка. Русский язык

был и остается языком мировым, напомним еще раз, одним из пяти языков ООН. И этот его статус полностью сохраняется и в мире, и на постсоветском пространстве. Мало того, благодаря распространению и влиянию русского языка мы обнаруживаем новые и, пожалуй, трудно представимые еще несколько лет назад литературные явления. Это нерусская (национальная) литература на русском языке.

Говоря в более привычных терминах, перед современным литературоведением стоит практически не описанная и научно не осмысленная проблема: современная русскоязычная литература в культурном пространстве бывшего СССР. Центробежные процессы сменяются центростремительными. Обнаруживается притягательность не только русского языка как мирового, притягательность не только единого языкового и культурного пространства, но и притягательность русского цивилизационного пути.

И мы можем судить об этом не понаслышке. Дело в том, что с самого начала XXI века не только в России, но и странах СНГ все более осознавалась потребность в сохранении и восстановлении единого образовательного пространства. Эта потребность крепла по мере насильственного внедрения Болонской конвенции, направленной как раз на унификацию образования по глобалистскому (читай — англосаксонскому) образцу. Своеобразным ответом на эту потребность стало открытие филиалов МГУ в странах ближнего зарубежья. В частности, наша кафедра представлена в филиалах МГУ в Баку, Астане и Севастополе, который на момент открытия филиала в 1997 году находился в составе Украины.

Опыт филиалов ставит перед нами еще одну важную научную проблему: необходимость изучения национальных русскоязычных литератур. Они есть на всем постсоветском русскоязычном пространстве, но нам они в большей степени известны в тех странах, куда мы ездим в командировки, как, например, в Азербайджане: многие писатели, азербайджанцы по рождению, воспитанию, образованию, родному языку, пишут азербайджанскую литературу на русском языке. Притом это и опытные прозаики, люди старшего поколения, такие как Чингиз Абдуллаев, Чингиз Гусейнов, ушедший от нас в начале нынешнего года, Максуд Ибрагимбеков, и совсем еще молодые: Натик Расулзаде, Эльчин Сафарли, Самит Алиев, Зия Сафарбеков, Ната Османлы, Эдуард Багиров, Афанасий Мамедов. На русском языке пишут азербайджанские поэты Сиявуш Мамедзаде, Насиб Вердиев, Мансур Векилов, Тофиг Агаев, Саида Субхи, Рашид Керимов. Как поэты и прозаики выступают Валех Салехоглу и Ниджат Мамедов — и тоже на русском языке.

Этот список далеко не исчерпывает всех русскоязычных поэтов и прозаиков Азербайджана и отражает, скорее, опыт личного общения автора этого материала с литературными и академическими кругами Баку³, радость которого дарит преподавание в филиале МГУ.

Данная ситуация напоминает ту, что сложилась при подготовке Первого съезда СП: не пора ли нам вновь снаряжать писательские «бригады» с тем, чтобы собирать и систематизировать огромные богатства русскоязычной литературы на постсоветском пространстве?

В связи с этим нельзя не сказать еще об одном аспекте современной литературы: это русская литература на постсоветском пространстве. Ее создают люди, принадлежащие русской культуре, русскому языку, русской ментальности, но волею судеб оказавшиеся в 1991 году не у себя дома, в СССР, а в союзных республиках, получивших государственный статус. Более чем за три десятилетия эти литературы обрели совершенно новое качество, освоили новую проблематику, и их изучение тоже является одной из актуальных задач современного литературоведения, перед которым в прямом смысле слова лежит *terra incognita*.

Вот беглый очерк тех научно-административных проблем (вернее, малой их части), которые стоят перед кафедрой. Мы попытаемся осознать вызовы современной историко-культурной ситуации и найти научные силы и административно-организационные возможности на них ответить. Свидетельство тому — книги и учебники, которые рождаются на кафедре в коллективных обсуждениях.

Значительными событиями стал выход книг проф. Н.М. Солнцевой о крестьянской поэзии и Иване Шмелеве, проф. М.В. Михайловой — о дореволюционной марксистской критике. Вкладом в сотрудничество вузовской науки и школьного преподавания литературы явилось учебное пособие по русской литературе для абитуриентов под редакцией Б.С. Бугрова и М.М. Голубкова, к настоящему времени вышедшее уже пятнадцатую изданиями, а также научно-методические разработки А.В. Леденева, линейка учебников по русской литературе для 10–11 классов, созданная Е.Б. Скороспеловой и М.М. Голубковым при участии И.Б. Ничипорова, и опубликованные в серии «Перечитывая классику» книги других сотрудников кафедры. Учебное пособие «Русская литература XX века (20–90-е годы): основные тенденции» выпустил в 2018 г. проф. С.И. Кормилов.

³ Особую благодарность за профессиональные консультации хочется выразить профессору Фикрету Чингизовичу Рзаеву.

В связи с проведением Года литературы в 2015 г. члены кафедры участвовали в организации международных и всероссийских видео-конференций, вели регулярную рубрику в «Литературной газете» и журнале «Литературная учеба».

Большим научным событием стало появление в 2017 году учебника для бакалавров и магистров «История русской литературы Серебряного века» (отв. ред. М.В. Михайлова и Н.М. Солнцева), созданного коллективом кафедры.

На протяжении всех последующих лет продолжали издаваться монографии, учебники и учебные пособия, предназначенные как для студентов вузов, так и для школьников и абитуриентов, в том числе «Русская литература XX века», «История русской литературной критики XX века» М.М. Голубкова. В 2017 г. издана книга М.В. Михайловой «Марксисты без будущего. Марксизм и русская литературная критика (1890–1910-е гг.)». В 2018 г. вышло учебно-методическое пособие «Современная русская литература: постмодернизм и неомодернизм» Д.В. Кротовой — первая в истории кафедры книга, посвященная характеристике литературы начала XXI века. В работе обосновывается концепция неомодернизма как одного из направлений литературного процесса рубежа XX–XXI вв. В 2019 г. увидели свет монография И.Б. Ничипорова «Русская литература и Православие: пути диалога», книга М.М. Голубкова «Юрий Поляков: контекст, подтекст, интертекст и другие приключения текста. Ученые (и не очень) записки одного семинара», вторая часть которых, посвященная лишь одному роману Ю. Полякова «Гипсовый трубочка», вышла в свет в 2023 г., а также подготовленная сотрудниками кафедры совместно с представителями других научных и учебных учреждений коллективная монография «От Чехова до Бродского: эстетические и философские аспекты русской литературы XX века. К 90-летию Лидии Андреевны Колобаевой». В 2020 г. опубликована коллективная монография «Русская литература: XX век и современность», посвященная 60-летию заведующего кафедрой М.М. Голубкова. В создании монографии приняли участие как сотрудники кафедры, так и другие ученые российских и зарубежных университетов. Книга М. Голубкова «Зачем нужна русская литература?» (М., 2021) выносит на суд читателя целый комплекс важных аспектов литературы XX века и современной литературы.

Присутствие кафедры должно быть ощутимо и в научной среде как России, так и зарубежья. Поэтому регулярно, раз в два года, проводится Международная научная конференция «Русская литература XX–XXI веков как единый процесс (проблемы теории и методологии изучения)», собирающая исследователей из России, ближнего и дальнего зарубежья. Материалы конференции состав-

ляют объемные тома (2016, 2018, 2020, 2023), индекс цитирования каждого весьма весом, что говорит о востребованности подготовительной организационной и научной работы кафедры.

Однако кафедра, интересы которой связаны с современной литературой, не может отсиживаться в университетской аудитории. Ее присутствие должно быть ощутимо и в современном литературном процессе. И для решения этой задачи мы пытаемся находить подчас самые необычные формы работы.

Последнее пятилетие жизни кафедры, помимо отдельных круглых столов, обращенных к актуальной проблематике («Я рожден в девяносто одном ненадежном году...»: М. Булгаков и О. Мандельштам»; «Грани диалога»; «Сходство непохожих (навстречу юбилеям Л.Н. Андреева и Тэффи)»), ознаменовалось серией нестандартных мероприятий, посвященных научному осмыслению явлений литературного процесса XX–XXI столетий. Кафедра обратилась к поиску новых форматов обсуждения, активно привлекая студентов, магистрантов, аспирантов. Так, в 2021 г. зав. кафедрой проф. М.М. Голубков и проф. И.Б. Ничипоров положили начало традиции регулярных круглых столов, объединенных единой проблематикой, — «Литературные события 2010–2020-х годов». Впоследствии эстафету организаторов успешно приняла преп. М.А. Хлебус. На сегодня удалось провести восемь заседаний подобного рода, в ходе которых участники не только обратились к знаковым именам и тенденциям последних двух десятилетий, но и затронули теоретические аспекты (в частности, уточнили само понятие *литературного события*).

Чуть позже, в весеннем семестре 2022 г., под руководством проф. М.М. Голубкова и преп. А.А. Семиной заработала Артель вольных критиков, предоставившая магистрантам кафедры возможность в течение двух семестров попробовать себя в новом для них амплу критика — активного участника издательского процесса. Благодаря тесному сотрудничеству с газетой «Литературная Россия» студенты получили выход к широкому читателю. Под эгидой Артели вышли в большое плавание два студенческих журнала — «НаТе» и «Вотвторых». Полная подборка опубликованных работ вольных критиков доступна не только в периодике, но и на сайте кафедры. Таким образом, студент, закончивший магистратуру, уже получает определенную известность как критик, часто весьма зубастый: многие современные авторы побаиваются нашей Артели...

Выйдя из дистанта, в 2022 г. проф. М.М. Голубков и преп. А.А. Семина при активной поддержке спец. по УМР Д.А. Минаевой и А.В. Маркова организовали серию неформальных чаепитий для обсуждения крупнейших фигур и явлений литературного процесса XX–XXI вв. под общим названием «В Артель на чайшко». Сотруд-

ники, студенты, магистранты, аспиранты и гости факультета приняли активное участие в круглых столах Пушкинской гостиной «Сорокин чай», «Пелевин-пицца», «Чай с Лимоновым», «Слеза комсомолки», «Елка у Иванова», «Провокация пустоты: минус-прием в русской литературе XX–XXI веков». Для каждого заседания из студенческой и аспирантской среды был выбран особый «хозяин вечера» — неформальный ведущий и организатор мероприятия. С докладами и репликами выступили не только юные исследователи отечественной словесности, но и именитые ученые из числа сотрудников факультета. Благодаря подобной практике удалось сократить дистанцию между студентом и преподавателем, а обсуждение сделать максимально конструктивным и плодотворным. Наиболее острые дискуссионные вопросы коснулись категорий художественности, качества современной поэзии, амплуа современного писателя и стратегий, благодаря которым он создает собственный образ; внимание участников также привлекла специфика современной драматургии и использование анималистических образов в творчестве прозаиков XXI столетия.

В 2024 г. кафедра продолжила давнюю традицию факультета и организовала встречу с современным писателем Р.В. Михайловым (также режиссером, актером, доктором физико-математических наук). 12 февраля благодаря усилиям магистранта Н.Ю. Окутина и преп. А.А. Семиной слушатели получили возможность поучаствовать в весьма насыщенной, искренней и информативной беседе с живым классиком современного неформального кинематографа (режиссером картин «Снег, сестра и россомаха», «Сказка для старых», «Наследие», «Отпуск в октябре», «Поедем с тобой в Макао» и др.). Начавшись в поточной аудитории П-11, общение продолжилось на кафедре. Благодарные слушатели никак не хотели отпускать автора неповторимых, уникальных в своем роде текстов, обсуждая с ним, помимо литературы, эзотерику, визионерские опыты, кинематограф, карточные игры, искусственные языки и проблемы высшей математики. Очевидно, что Р. Михайлов представляет собой тип художника, чей масштаб личности значительно превосходит созданное им в литературе, а извилистый путь духовных исканий сделал автора необыкновенно светлым и сострадательным человеком. Общение получилось очень увлекательным и продлилось целых семь часов. Расходились слушатели неохотно и под глубоким впечатлением, получив от гостя заряд энергии и вдохновения.

15 апреля 2024 г. преп. Е.В. Жуйкова совместно с коллективом сотрудников, аспирантов и магистрантов кафедры провела незабываемый вечер в стиле кабаре «Бродячая собака», на котором оказался удивительно точно воссоздан самый воздух Серебряного

века. Проф. М.М. Голубков рассказал об истории изучения литературы рубежа веков на кафедре; преп. Е.В. Жуйкова поведала о том, как необычно преломились судьбы поэтов начала XX столетия в комиксах. А. Марков и К. Ермолаева представили фантазию «Раз. Два. Три. Четыре», продемонстрировав безукоризненную актерскую игру, поражающую воображение пластику и яркий танец. А. Глухенький порассуждал вместе со слушателями о специфике преломления образа Пушкина в рецепции Д. Хармса, а А. Емекеев мастерски перевоплотился в рассказчика из хармсовских «Случаев». Кульминацией вечера стало выступление магистрантов А. Сотниковой и Е. Геронимус с представлением пьесы П. Потемкина «Барометр Копелиуса» (1911) в театре теней. Присутствующие получили возможность с головой окунуться в атмосферу рубежа веков, хором исполнили гимн «Бродячей собаки», оставили памятные надписи в «Свиной книге», единогласно придя к решению о необходимости регулярных встреч подобного рода.

Все сказанное выше подтверждает, что кафедра оправдывает свое название, а в многочисленных спецсеминарах, которые объявляются каждый год, нет недостатка в заинтересованных, думающих студентах. Свидетельство тому — около тридцати выпускаемых ежегодно магистрантов и бакалавров, а также внушительное количество кандидатских и докторских диссертаций. Хочется надеяться, что так будет и впредь.

Поступила в редакцию 08.07.2024

Принята к публикации 15.10.2024

Отредактирована 12.11.2024

Received 08.07.2024

Accepted 15.10.2024

Revised 12.11.2024

ОБ АВТОРЕ

Голубков Михаил Михайлович — доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой истории новейшей русской литературы и современного литературного процесса филологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова; m.golubkov@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail M. Golubkov — Prof. Dr., Professor, Head of the Department of History of Contemporary Russian Literature and Modern Literary Process, Faculty of Philology, Lomonosov Moscow State University; m.golubkov@list.ru